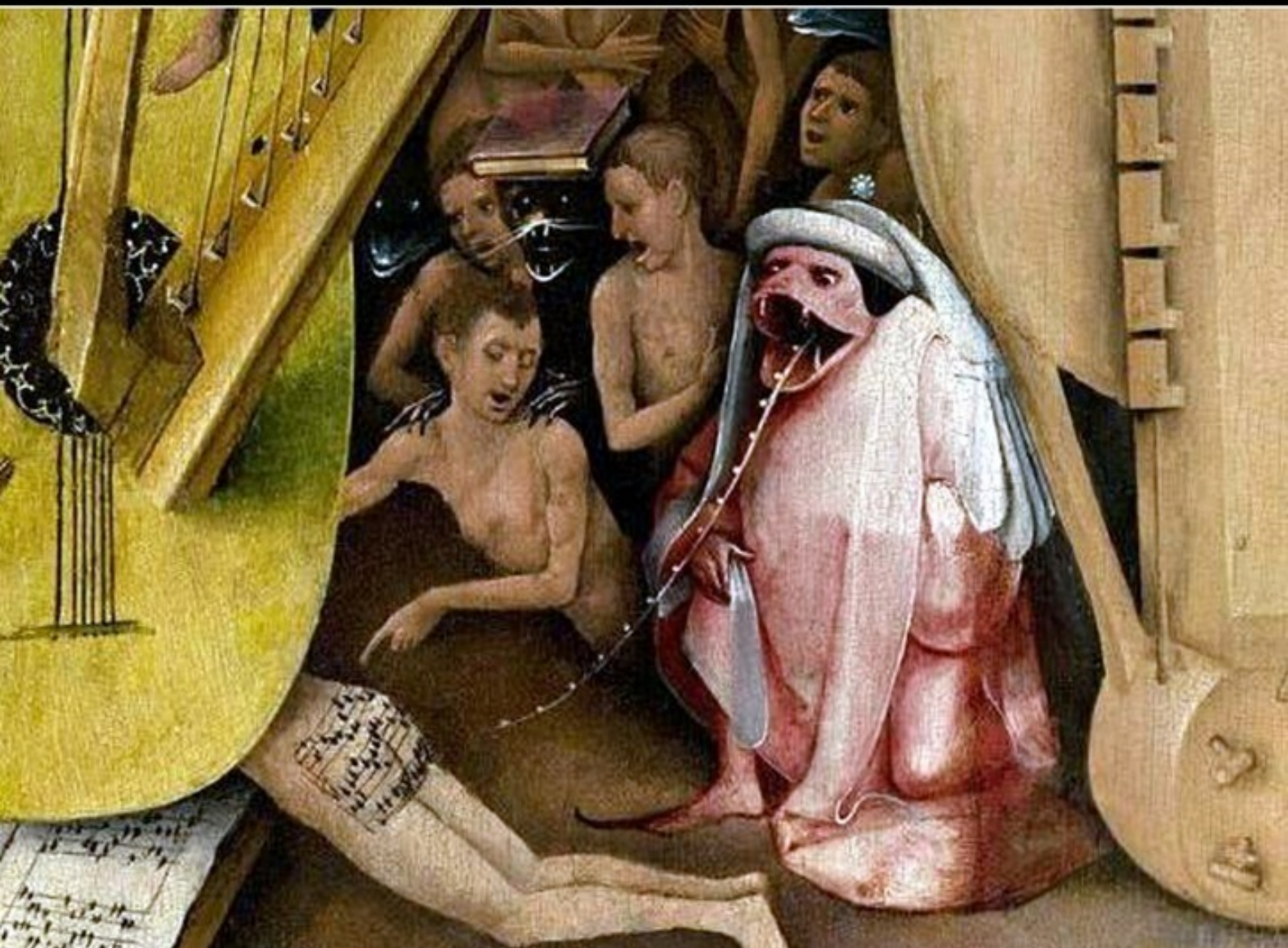

Петр Алешкин

Время зверя

Криминальные повести и рассказы

Петр Алешкин

**Время зверя. Криминальные
повести и рассказы**

«Издательские решения»

Алешкин П.

Время зверя. Криминальные повести и рассказы / П. Алешкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833390-3

В произведениях Петра Алешкина всегда острые ситуации, конфликты с неожиданными поворотами, поэтому критики считают, что он привнес в русскую литературу новый прием — поток действия. Повесть «Я — убийца», рассказы «Я — террорист» и другие, вошедшие в эту книгу, после публикации произвели на читателей сильнейшее впечатление. Они вошли в список бестселлеров, переведены на основные языки мира.

ISBN 978-5-44-833390-3

© Алешкин П.
© Издательские решения

Содержание

Время зверя	6
1. Я – убийца	6
1	6
2	8
3	11
4	13
5	15
6	18
7	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Время зверя
Криминальные повести и рассказы
Петр Алешкин

© Петр Алешкин, 2016

ISBN 978-5-4483-3390-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Время зверя

Рассказы омоневца

1. Я – убийца

Повесть

1

– Помнишь Никитина, сержанта? – Паша спросил громко, чтобы я слышал. Он шел впереди меня. Мы несли на плечах березовое бревно.

Помнил, конечно, помнил я Никитина, командира. Забыть сержанта, значит забыть Афган. Разве это возможно? Но я ничего не ответил. Не хотелось отвечать. Мы скинули бревно под ель. Я снял рукавицу и вытер пот со лба. Паша, не дождавшись от меня ни слова о Никитине, заговорил:

– В среду встретились в милиции. Я там ружье регистрировал... Холеный, веселый, энергичный, за версту видно – доволен жизнью, процветает. Увидел меня, кинулся обнимать!.. Он теперь лейтенант, омоневец. Спрашивал о тебе. Ведь ты с ним был дружен...

Значит, омоневец, лейтенант, и помнит! Меня словно обожгло изнутри: вот куда мне надо! Но я не показал Паше своего интереса к Никитину, смотрел, как наши жены, о чем-то оживленно разговаривая, собирают сучки, щепки, чурбачки, разбросанные возле нового дома, стены которого ярко желтели на солнце свежеструганными бревнами. Вкусно пахло деревом, смолой. Новая, крытая оцинкованным железом, крыша блестела. Потрескивал костер, куда Рая с Тамарой бросали сучья. Щепки и чурбачки они складывали возле такой же новой, как и дом, бани. Надо сказать, что и дом и баня ошеломили меня, когда я их увидел. Вот так Паша, ай да тихоня!.. Из-за деревьев с соседнего участка доносился стук топоров и тархтенье трактора. Там тоже строились.

Сегодня суббота. Конец лета. Грибная пора. Паша хвастался, что грибы растут прямо на его садовом участке, и мы с Расей увязались с ними, побродить по лесу, а заодно помочь убрать участок, откуда только что ушли строители, сложить оставшиеся кирпич, бревна. Грибов в окрестном лесу действительно оказалось много: подберезовики, белые. Встречались и на Пашином участке под елями. Утром быстро набрали по ведру, и теперь приводили в порядок участок. В лесу я почувствовал себя свежее, бодрее, гнетущее состояние последних дней рассосалось, стало казаться, что найду выход, устрой свою жизнь, пускай не как Паша, но все же лучше, чем живу сейчас. Куда мне до Паши! Как он быстро сориентировался! После Афгана три года плотником ишачил на стройке. Грязь, слякоть, холод, а зарплата с гулькин нос. Я перед ним – белая кость: электронщик на военном заводе, сложнейшие узлы к спутникам собирал. Всегда в тепле, в чистоте, и на зарплату не жаловался... Но начались новые времена, Паша бросил стройку, открыл свой кооперативчик, стал в новых домах замки врезать новоселам, двери обивать, балконы стеклить, полы циклевать. Дело пошло, росло, расширялось. Теперь у Паши два цеха деревообрабатывающих. Двери филенчатые вяжет, рамы, резные узорные наличники на окна делает: загляденье, из рук рвут, в очередь записываются за ними. Паша, когда дело ставил, исхудал, высох от недосыпания, постоянных переживаний, а теперь, когда наладилось, покатилося само, раздобыл, вальяжный стал: хозяин. Купил двенадцать соток земли в шестидесяти километрах от Москвы, заказал нижегородцам бревенча-

тый дом, баню. Он говорил, что мог бы сделать все своими руками, да времени жалко: дело упустишь.

А мои дела в перестройку под откос поползли: конверсия, завод залихорадило, заказов мало, работы нет. Пошли простои, перебои с зарплатой. И покатилося... Жена ноет, за кооперативную квартиру платить нечем, денег нет. Третий месяц зарплату не дают, а неделю назад объявили, что скоро цех на два месяца закроют. Куда деваться? Тоска! Безысходность! Сегодня по дороге на дачу поплакался Паше, излил душу, но не полегчало, даже мрачнее стал, особенно когда его дом с баней увидел. Паша в свое предприятие позвал, работы хватит... А что я у него буду делать? Замки врезать? Да я ни стамески, ни топора никогда в руках не держал, не знаю, с какой стороны к ним подходить. А гордость куда деть? В напарники, другое дело! Паша в напарники звал, когда открывал кооператив. Но я не поверил в его замысел, отшутился. А теперь... работать на хозяйчика? Паша – хозяйчик! Это вызывало усмешку и... зависть! Да, да зависть, что кривляться перед самим собой. Раньше я чувствовал свое превосходство перед Пашей, и он принимал это. Когда мы были вместе, мы знали, кто иголка, а кто нитка, и поступали соответствующим образом. Он тянулся ко мне, а не я к нему. Он звонил мне, искал у меня совета и поддержки. Звонил он теперь, пытался поддержать меня, но, то ли дело было во мне, то ли он был неуклюж, после его звонков уныние, безысходность, раздражение сильнее мучили меня. Иногда он, чтобы подбодрить, хвастался своими делами, не понимал, что его новые «Жигули» не могут поднять во мне духа, не могут заставить крутиться, заставить поверить в себя. Иногда мне приходило в голову, что жизнь повернулась ко мне боком, когда я женился, что Рая мой недобрый ангел. Я сам понимал, что это не так, что женитьба моя совпала с переменами в стране, Рая не при чем, она нежна со мной, любит меня по-прежнему, а раздражается из-за неуверенности, из-за неустойчивости будущего, из-за моей бездеятельности. Поэтому, когда я услышал о Никитине, о том, что он работает в отряде милиции особого назначения и помнит обо мне, меня сразу встряхнуло, обожгло мыслью, надеждой, что он поможет, поправит мою жизнь.

Я видел, как Рая с ревливой грустью смотрела на Тамару, слушала, как она разговаривала с дочкой. У нас с Раяй детей не было. Вначале меня это беспокоило, а теперь даже радовало: был бы ребенок, проблем, было бы больше.

Обедали у костра. У меня возникло, казалось, давно забытое настроение. Рая с Тамарой разворачивали свертки с бутербродами, раскладывали на газете, а я веселился, бегал за Таней, дочкой Паши. Она визжала, Рая притворно сердилась. Я видел, что ей нравится, что у меня такое настроение, чувствовал, что она поняла, что во время разговора с Пашей я принял какое-то решение. Может быть, думала, что Паша уговорил меня пойти работать к нему, к чему она меня давно склоняла, говорила: поработай у него в цехе, втянешься, поймешь, что к чему, и он тебя начальником цеха сделает.

В машине, по дороге домой, я искал повод, чтобы заговорить о Никитине, но так, чтобы Паша не понял, что я хочу встретиться с тем и попроситься на работу. Паша непременно начал бы отговаривать. Он не терпел сержанта Никитина. И Рая, конечно, поддержала бы Пашу. Лучше поставить их перед фактом.

– А вы телефонами обменялись? – спросил я небрежно, как бы между прочим.

– С кем? – взглянул на меня Паша. Он, видимо, давно забыл о Никитине, ведь в лесу я не поддержал разговора о нем, показал, что мне Никитин не интересен.

– С Никитиным?

– А-а, – вспомнил Паша. – Записал для приличия. Кажется, я бумажку в бардачок сунул, посмотри, может, валяется еще. Выбросить хотел, да вместе выходили. Сунул туда... А зачем тебе? Ты что, звонить ему собираешься?

– Жизнь пестрая... Может, пригодится.

Я открыл бардачок, заглянул в него, покопался равнодушно, нашел клочок бумажки с цифрами.

– Этот?

– Забирай. Я даже, если приспичит, не позвоню.

Я молча и небрежно сунул в карман листок.

2

Позвонил в воскресенье, когда Рая ушла в магазин за хлебом.

Долго ходил по комнате, поглядывал на телефон, решал – стоит или не стоит звонить. В памяти стояло ущелье в Афганских горах, тропа, жара, и два неторопливо приближающихся афганца: один пожилой, с седеющей бородой, другой помоложе, чернобородый. Шли спокойно, уверенно, не скрываясь, не суетясь, издали чувствовалось, что мирные, к душманам не имеют отношения. Мы наблюдали за ними из-за камней. Я совсем недавно попал в Афган, а сержант Никитин был уже битым, обстрелянным. Когда афганцы подошли совсем близко, Он шепнул:

– Страхуй!

И выскочил из-за камней навстречу афганцам. Они остановились, не растерялись. Старший вытащил из-за пазухи документы и протянул Никитину. Он взял, отошел от них в сторону, чтобы не заслонять их собой от меня, и стал изучать документы. Я следил за афганцами. Они стояли молча, ждали, глядели на Никитина. Он проверил документы и вернул. Афганцы направились дальше мимо меня. Никитин стоял на тропе, смотрел им вслед, ждал чего-то. Когда они отошли от него шагов на пятнадцать-двадцать, Никитин неожиданно заорал:

– Эй, стой!

Я вздрогнул, не понял. Я видел, как афганцы недоуменно обернулись, и тотчас затрещал автомат Никитина. Старший взмахнул руками и осел на тропу, а младший успел кинуться в сторону, но споткнулся, упал лицом вниз и стал дергать ногой, осыпая камешки.

Я растерялся, сжал автомат в руке, ничего не понимая, смотрел испуганно, как Никитин кинулся к старшему и стал ощупывать его одежду. Перевернул на спину. Только теперь я догадался, что произошло. Стало стыдно и мерзко. У меня задрожали руки, и я отложил автомат в сторону, на камень, и рукавом вытер пот, заливающий глаза. Никитин подхватил под мышки старшего афганца, приподнял и попробовал волочить к обрыву. Афганец, видно, был тяжел, и Никитин сердито крикнул мне:

– Иди помоги!

Я, суетясь, грохоча ботинками по камням, подбежал к нему. Вдвоем мы подволокли афганцев по одному к обрыву и столкнули вниз. Стояли, смотрели, как поднимается пыль оттуда и затихает шум осыпающихся камней. Когда затихло, Никитин огляделся, подмигнул мне с усмешкой, достал из кармана пачку денег, отщипнул часть, не считая, и сказал покровительственно:

– Держи и помалкивай!

Я глядел на него, чувствуя отвращение. Меня тошнило от жары и запаха крови. Я еле сдерживал рвоту, дышал открытым ртом.

– Успокойся, держи... Они нас не жалеют.

Вечером, в тот день, я впервые попробовал анашу. Не понравилось, вырвало. Долго еще было мерзко, не хотелось видеть Никитина, слушать его болтовню, чувствовать покровительственное отношение.

Это воспоминание мешало, не подпускало к телефону.

Потом, в Афгане, я увидел и услышал еще не такое, привык и даже подружился с Никитиным. Не раз бывали в переделках, не раз выручали друг друга. Никитин был отчаянно смел. Казалось, совершенно не думал о том, что он смертен. Он никогда не чувствовал угрызений

совести, не мучился, как я, когда приходилось жестоко убивать, и учил меня этому. Я оказался хорошим учеником. Год служили с Никитиным. Он раньше меня был призван в армию, и раньше вернулся на гражданку. Я ничего о нем не слышал и не знал, что он в Москве.

Я позвонил ему. Командирский, уверенный голос Никитина узнал сразу. Я назвался и услышал радостный рев.

– Серега, ты! Братушка! Ты где?

– Дома. Паша мне телефон дал, рассказывал о тебе с восторгом. Завидуем тебе. Только ты один делом занимаешься, – польстил я ему.

– Паша тоже не дремлет. Я видел, какая у него «девятка»! А ты на заводе? Он говорил, на сверхсекретном!

– Ага, на самые сверхсекретные сковородки переходим. Летающие. Безмоторные.

– А как же они без мотора летают? – хохотнул Никитин.

– При помощи катапульты. Ловкая рука жены называется. Последний писк науки и техники...

– Да-а, работа завидная, а я тебя хотел к себе переманить, – балагурил Никитин. – А тебя, видать, со сладкого места калачом не сманишь.

– А ты не калачом попробуй, а пряником. Может, получится...

Никитин запнулся, замолчал, видно, понял, зачем я звоню, и я догадался, что не так просто попасть в ОМОН.

– И ты пошел бы к нам? – почему-то вкрадчиво, но серьезным тоном спросил Никитин.

– За этим и звоню, – не стал я дипломатничать, ответил также серьезно.

– А как же летающие сковородки? – снова перешел на иронический лад Никитин. Видимо, принял решение.

– Обойдутся, переквалифицироваться неохота, – теперь уж хохотнул я.

– Ты, я думаю, знаешь, чем мы занимаемся?

– Догадываюсь.

– Заходи завтра... Мы недавно парня потеряли. Поговорю, может быть, заменишь.

В понедельник я трижды рассказывал разным начальникам свою короткую биографию, с каждой встречей начальник был выше рангом. Заполнил анкеты и стал ждать вызова. Рае не говорил, хотел сказать, когда решится. Был уверен, что примут. Никитин сказал: если не судился, не привлекался, то стопроцентная гарантия. Я усерднее стал заниматься в секции каратэ, усерднее качаться дома. Уныние, грусть отступали. Надежда укреплялась. Никитин раза два приводил меня в спортзал, где тренировались омовцы, познакомил с ребятами.

Известие о том, что я перехожу на работу в ОМОН, ошеломило Раю сильнее, чем я ожидал.

– Ты же сама твердила все время, что живем, как нищие, хоть в переходе с протянутой рукой становись, – оправдывался я, успокаивал Раю. – Теперь у меня зарплата в пять раз выше, чем на заводе... Ну, ладно, ладно, не на всю жизнь я в менты пошел. Станет на ноги завод, вернусь. Надо как-то перебиться трудное время, а то из квартиры выселят.

Еле успокоил. У самого на душе было тяжело. Но другого выхода не видел. Идти в охранники к какому-нибудь дельцу. Это еще хуже и гаже.

С Раем мы познакомились в цехе. Она тоже была лимитчицей, родом из Брянска, но уже получила постоянную прописку в Москве и стояла в очереди на кооперативную квартиру. Приехала сюда сразу после окончания школы. Квартиру мы купили через год после свадьбы. Это было в девяностом году, при Рыжкове, когда цены были еще божескими. Правда, тогда они нам не казались такими. Рая часто говорит, что с ужасом просыпается, увидев во сне, что мы еще не получили квартиры, а цены теперешние. «Ой, чтобы мы делали сейчас? Где брали деньги? Как бы жили? Квартиру не снять, не купить, не дожидаться! Так бы и маялись по общежитиям!.. Ой, спасибо тебе, Господи!» – восклицала она. Рая любила нашу квартиру, торопилась домой.

На работу и с работы мы вначале ездили вместе. Дома часто тряпочкой протирала подоконники, трубы, батареи. Она их любовно перекрасила еще до переезда, вытирала телевизор, полированную стенку, на которую мы работали больше года. Купив квартиру, Рая стала домашней: разлюбила ходить по кинотеатрам – дома телевизор есть, лежи да смотри, ругалась она на меня, когда я тянул в кино. Не любила гостей, и сама не ходила в гости. Хотела, чтобы и я всегда был дома, при ней. Очень жалела, переживала, что у нас до сих пор нет детей, побывала и в платных и бесплатных поликлиниках, где ей говорили, что у нее все в порядке, и теперь тянула туда меня, провериться. Я подумывал иногда, что будь ребенок, она бы переключилась на него, и мне было бы посвободней... Я был энергичным, непоседливым. Таким родился. Мне нужно было куда-то идти после работы, двигаться, разговаривать. Первый год после женитьбы, когда мы жили по общежитиям (комнату не снимали, копили на квартиру), чтобы побыть вдвоем, мы ходили гулять в парк, часто бывали в кинотеатре, иногда смотрели футбол на стадионе, где я мог наораться досыта. Тогда я был удовлетворен, у нас была цель – квартира, было, что ждать, к чему стремиться. В институт нас не тянуло. Зачем? Работа не пыльная, хлебная. Рабочие держались за нее, не перебегали, работали до пенсии. Гордились, что работают на космос, считали себя сливками рабочего класса. Правда, я не могу сказать, что был полностью удовлетворен работой. Слишком она была спокойной, скучной: уставал я не от нагрузки, а от монотонности.

Когда купили квартиру, нужно было приводить ее в порядок: перекрашивать, переклеивать, циклевать, лакировать, мыть, потом искать, выбирать мебель, вещи, нужные в хозяйстве. Кое-что нами было приобретено заранее, ждало своего часа в наших комнатах в общежитиях. Года полтора обустраивались. Счастливое было время! А потом наступил покой, диван, телевизор. Книжек мы не читали, не тянуло. Но две полки секретера книгами заставили, и Рая раз в неделю протирала их от пыли. Все чаще приходила грусть, думалось, скорее бы ночь да спать, иногда грусть становилась невыносимой, не грусть, а глухая тоска. Я выходил из комнаты, где лежала мягкая теплая Рая, шел на кухню, курил у окна, смотрел, как смеркается, темнеет дом напротив, как вспыхивают в окнах огни. Рая видела мою маету, не понимала, раздражалась. Ее тяготило только то, что нет и нет ребенка. Это ее мучило все сильнее и сильнее. Чем больше она раздражалась, тем меньше мне хотелось быть дома. Но работу заканчивали мы вместе – куда денешься. Я вспомнил, что в Афганистане я был хорошим бойцом, хорошо стрелял, дрался, и записался в секцию каратэ. Теперь я мог три раза в неделю появляться дома поздно, объясняя занятиями. Но по выходным были дома, смотрели телевизор, особенно криминальные передачи, в которых все чаще и чаще рассказывали о рэкетирах, о наемных убийцах, о коррупции и мафии. Я слушал со злорадством, как новоявленные мафиозные бизнесмены поедали друг друга. Особенно я любил подробности, слушал с каким-то наслаждением, представлял в красках, как бизнесмены поджаривают друг друга утюгами, кипятильниками.

Запах жареного человеческого мяса, запах крови я хорошо помнил с афганских времен, а уж видеть приходилось всякое, насмотрелся, привык. Быстро перестало вздрагивать в душе, когда нужно было убивать, и часто тянуло убивать зверски. Какое-то возбуждение, страсть невероятная, неудержимая охватывала. После думал, зачем, без особой нужды ведь убил, и отмахивался, оправдывался: если не я его сегодня, то он меня завтра.

«Вести» и «Итоги» не мог смотреть без какого-то чувства гадливости, особенно эти чувства вызывали ведущие Киселев и Сорокина. Как они самозабвенно лгали! Как егозили перед властью! Я думал: сними штаны президент и подставь им задницу, с какой страстью они наперегонки кинулись бы ее вылизывать на глазах у всего народа! А потом детям и внукам рассказывали бы об этих самых счастливых минутах своей лакейской жизни... Мерзкая власть! Мерзкие людишки!

И потекла моя омоновская жизнь. Дежурил я всегда с Никитиным. Недели две промелькнуло без происшествий. В Москве постреливали, то тут то там вспыхивали мгновенные, как молнии, разборки между бандитскими кланами. Постреляют из автоматов, оставят два-три

трупа в изрешеченной машине и исчезают. Или сообщат, очередного бизнесмена пристрелили. Но во время нашего дежурства ничего подобного не случилось пока. Если было, то в другом районе. Узнавали мы об этом, когда возвращались в отделение. Никитин деловито расспрашивал: какие машины участвовали? «Вольво» и «Форд»? А изрешетили какую? Выскакивали боевики из машины или стреляли из окон? А труп где, в машине или около? И делал вывод: понятно! Михась с Культей схлестнулись! Или сошурит глаза, подумает: это что-то новенькое – либо гастролеры, либо молодые подрастают. За всеми не уследишь!..

Тренировался я все эти дни усиленно, понимал, что не раз придется побывать в переделках, и знал из Афганского опыта, что жизнь моя будет зависеть от того, как ловко я буду владеть своим телом, от моей силы, уверенности в себе. Надо сказать, что за эти дни я стал собранней, бодрей, не валялся перед телевизором расслабленный и вялый, не зная, куда деть себя. Каждый свободный час я проводил либо в спортзале, либо в тире. Стрелял я хорошо. Сам удивлен был, когда в Чирчике, где начинал службу перед отправкой в Афган, стреляя из автомата в первый раз, выбил двадцать восемь очков из тридцати. Дважды в десятку вцепил. Рука тверда и глаз остер! – смеялся я тогда. Мне нравилось стрелять, мне вообще нравилось делать то, что получается, нравилось, когда мною восхищаются. Я из тех, кто старается быть первым в том деле, которым он занимается. Поэтому мне легко было в Афгане, там я сразу нашел свое место. Меня уважали: я был смел, но не безрассуден, как Никитин. Никто не знал, что смелость моя была расчетлива. Конечно, меня могли убить в одном из боев, в которых приходилось участвовать, ведь дважды царапали пули. И оба раза был сам виноват: неточно рассчитал бросок от камня к камню. Волновался, торопился. Но это было в первые месяцы службы. И я был уверен теперь, что буду не последним в ОМОНе.

3

Никитина почему-то не любили во взводе. Нет, не то, чтобы не любили, а как-то отстраненно к нему относились. Я ни разу не видел, чтобы у него просили закурить. С ним неохотно тренировались рукопашному бою. Я думал вначале, что из-за того, что он командир взвода, неудобно стрелять сигаретку у начальства, неудобно ловким приемом укладывать на мат своего командира, но потом понял: нет, не из-за этого. Зато, обратил я внимание, когда надо поручить какое-то особо важное дело, начальство вызывало взвод Никитина, а если требовалась небольшая группа, то непременно ее возглавлял Никитин. Однажды я слышал, как полковник Лосев сказал: если Никитин взялся за дело, я спокоен. Никитин был ловок, быстр, энергичен, и все ему удавалось. Внешне он ничем не был примечателен. Худощавый, роста среднего, плечистый, но какой-то плоский, как бы сплюснутый. Узколицый, глазки небольшие, сидящие очень близко друг к другу. Носил темные усы под узким немного длинноватым носом, и чем-то отдаленно напоминал ястреба на стоге сена, всегда настороженного, готового вспорхнуть, и в то же время гордого, уверенного в себе, чувствующего свою силу, но понимающего, что находится он на враждебной ему территории. Здесь его боятся, но все же не лишне быть осторожным.

На машине своей он не ездил, летал. Страшно не любил пробки. Нервничал, вырুলивал на газоны, тротуары, объезжал. Вначале я подумал, что он выпендривается передо мной, хочет показать, какой он орел, и я с ехидным злорадством ожидал: сейчас долихачится, вмажется, долбанет впереди идущую машину, чирканет. Ничего, проносило. Его красная «девятка» на светофорах останавливалась чуть ли не в сантиметре от передней машины, проскакивала в немыслимую щель, иногда мне казалось, что машина по воле Никитина мгновенно меняет габариты, суживается, чтобы промелькнуть в щель и не царапнуть. Мастер!

И все же один раз мы попали в историю. Возвращались со службы домой и попали в пробку. Никитин быстро сориентировался, вылетел на трамвайные пути и погнал по рельсам к перекрестку. Впереди, из-за деревьев видно было, зажегся желтый свет, и Никитин прида-

вил газ еще сильнее, стараясь успеть на зеленый одним из первых. В этот момент из-за тополя прямо под колеса шагнул мужик, не подозревавший, что по рельсам летит машина. Удар! Мужик переломился на капот и отлетел метра на два под соседнее дерево. Я ахнул, сжался, вцепился в ручку. Мы проскочили мимо, Никитин вильнул, объехал ноги сбитого мужика.

– Не ссы, спишут! – спокойно сказал он и поднял к лицу микрофон рации. – Четвертый, четвертый, прием! – И когда отозвались, быстро заговорил:

– Преследую Мишку Векселя. Белый «Форд» номер... – Он назвал номер несуществующего «Форда», но улицу, на которой сбили человека, правильно. И вдруг заорал: – Куда, бля! – И выдохнул в микрофон. – Приехали!.. Человека сбил. Зови «скорую»! Срочно... Мужик, должно пьян, сволочь!

Никитин подмигнул мне, включил заднюю скорость и, глядя назад, покатил к сбитому человеку, возле которого начали собираться люди.

– Напишем объяснение, – быстро проговорил Никитин, – ехали домой, увидели Векселя, он в розыске, знаменитый бандюга, погнались, сбили. Вексель удрал.

Я молчал. Перед моими глазами все стоял, как бы переломившийся надвое мужчина. Жив ли он? Как мы сейчас выкрутимся? Свидетелей сколько.

Никитин остановился рядом с толпой, уверенно и решительно вылез из машины. Я тоже выкарабкался. Были мы в гражданской одежде. На нас смотрели настороженно, осуждающе и злобно. Могут побить! – подумал я. – И правы будут! Я чувствовал себя виноватым, не смотрел на лица людей, и поражался Никитину. Он вел себя так, как будто он, представитель власти, приехал на место происшествия, и не он, а ему должны давать отчет о содеянном.

– Ну-ка, не мешай! – решительно отодвинул он за плечо стоявшего на его пути парня, и тот покорно уступил. – Жив? – спросил Никитин, ни к кому конкретно не обращаясь.

Мужчина лежал в пыли, неловко подвернув под себя руку. Я оцепенело смотрел на его закрытые глаза, серое лицо. Крови не было видно.

– Что ж ты, сука, гоняешь, где не положено! – злобно, яростно воскликнул мужчина в помятом пиджаке, высокий, сутулый, длиннорукий. Толпа колыхнулась, готовая поддержать сутулого.

– Тихо! – властно повысил голос Никитин и поднял руку. – Без истерики! Человеку помощь нужна. «Скорая» уже вызвана!.. Болдырев! – глянул на меня Никитин. – Проверь, жив ли? Я очнулся, встрепнулся, вспомнил, что в таких случаях проверяют пульс. Сам я этого никогда не делал, хотя в Афгане учили, как проверять пульс. Я присел на корточки перед лежащим мужчиной, взял за кисть вялую, теплую руку с длинными грязными ногтями и, скрывая отвращение, сделал вид, что щупаю пульс.

Толпа молчала. Уверенный вид Никитина ее подавил. Видимо, многие решили, что ему известно то, что неизвестно им, потому он так и ведет себя.

– Без сознания, – сказал я неуверенно, поднимаясь с корточек. – Должно быть сильный ушиб.

– Какой ушиб! – вновь резко и возмущенно воскликнул сутулый. – Я видел, как вы его шибанули! Все кости переломаны.

– Так, вы свидетель! – сурово глянул на него Никитин. – Прошу не уходить до приезда милиции, – обратился к толпе. – Кто еще видел, как дело было? Прошу остаться.

– Да я свидетель! Я видел! Я не уйду. Я непременно расскажу...

– Отлично, – перебил его Никитин.

– Те будет отлично, гад! Ты доскакался... – с ненавистью глядел на него, возбуждал себя сутулый.

– Без истерики! – снова властно и уверенно поднял руку Никитин. – Выпил, не выступай!

– Это ты пьян, собака!

– В милиции разберемся, – прошел его взглядом Никитин и отвернулся, быстро окинул взглядом начавшую редеть толпу. – Еще раз прошу свидетелей остаться!

Подъехала «скорая», за ней гаишники. Никитин представился им. С ними он тоже вел себя так, словно это не он сбил человека, а просто был свидетелем происшествия. Мужчина так и не пришел в сознание. Его унесли в машину и «скорая» укатила, включив сирену. Никитин спокойно подписал протокол, кивнул мне, чтобы я садился в машину, и мы по трамвайным рельсам двинулись дальше к перекрестку. – Козел поганый! – матюкнулся Никитин, имея в виду сбитого мужика. – Нажрался, паскуда, шары под лоб, и прется, погань!

Видно было, что он ничуть не считал себя виноватым.

– Давай заедем ко мне, шлепнем по грамульке... Ты у меня еще ни разу не был... Как ты с женой живешь? – вдруг спросил он. – Не выступает?... У меня вышколенная.

Я глянул на него недоуменно: неужели происшествие нисколько не задело его? Неужели не волнует ничуть – останется ли жив мужчина или умрет? Он понял меня и скривил губы в усмешке.

– Брось ты! Успокойся... Алкашом меньше, алкашом больше.

– Но мы же полностью виноваты, – пробормотал я, деля с ним вину.

– Послушай, запомни: люди делятся на тех, кто всегда виноват, чтобы ни произошло, причастен он к этому или нет; и на тех, кто никогда ни в чем не виноват, чтобы ни сделал. Каждый выбирает сам, к кому ему относиться. Понял? Так что выбирай... Я тебя всегда относил к тем, кто не виноват. Видел в Афгане. В ОМОНе не должно быть виноватых! И учти, не будет... Мы отряд особого назначения! Особого!

4

В квартире Никитина, после его короткого звонка, слышались поспешные шаги. Открыла молодая женщина, худая, нервная на вид. Она растерянно и как-то загнано глянула на мужа, на меня и осторожно и неуверенно взяла из руки Никитина его резиновую дубинку, словно она была раскаленная, и женщина боялась обжечься. Одежду Никитин всегда носил гражданскую, в форму переодевался на работе, но дубинку всегда возил с собой. И меня приучил к этому.

– Как всегда! – быстро и строго кинул Никитин жене, и она мгновенно слиняла из коридора. Уходила быстро, не оглядываясь, но даже спина ее выражала застарелую ненависть, презрение к нам и бессилие изменить свое положение.

Я нагнулся разуваться.

– Не надо, вымоет, – остановил меня Никитин.

– Слякотно на улице, – глянул я на него неуверенно.

– Вымоет, вымоет... Пошли.

Жена Никитина, с которой он меня так и не познакомил, вынимала из холодильника заливную рыбу в казенных алюминиевых розетках, капусту. На столе уже стояла початая бутылка водки. Делала она все молча и не глядя на нас. Я понял, что не смотрит она нас потому, чтобы муж не смог прочесть в ее глазах ненависть и презрение к нему. Видимо, за это он карал ее строго. Достала котлеты в маленькой миске и глянула на мужа. В глазах ее на мгновение мелькнуло и скрылось вглубь страдание и тоска.

– Не надо, – протянул он недовольно. – Холодные поедем. Будешь толочься тут...

Накрыла она стол мгновенно и исчезла из кухни. Никитин взялся за бутылку, начал разливать в две рюмки.

– А она? – глянул я на Никитина.

– Перебьется... Целыми днями дома торчит. Ты не обращай внимания. Бабы должны знать свое место и не мешать, – твердо сказал он. – Иначе никакого порядка... Ну, давай, вздрогнем!

Выпили, потянулись к капусте.

– Так вот, запомни, – заговорил Никитин. – Как только ты поймешь, прочувствуешь, что ты частичка отряда особого назначения, мир у тебя в кармане: ты хозяин! И все вокруг виноваты перед тобой, а ты не перед кем. Понял? Думаешь, я бы стал тебя тащить в ОМОН, если бы не видел в Афгане? Думаешь, к нам просто попасть? Не-ет. Не просто. Но моя рекомендация... – Он замолчал на мгновение, видимо, искал, с чем сравнить свою рекомендацию, и закончил: – это моя рекомендация! Ты еще увидишь...

– Уже вижу.

Я действительно знал, что это не просто похвальба, так оно и есть. Но зачем он это говорит? Мне не совсем приятно было слышать его слова. Они снижали тот образ Никитина, который сложился у меня, делал равным мне. Лучше бы я по-прежнему глядел на него чуть вверх, не знал его слабостей.

– Ты молодец. Из тебя выйдет толк... Я чувствую... Только зачем ты на завод полез? Что ты там потерял?

– Общежитие там... Кооператив...

– Так и у нас общежитие. Надо бы сразу к нам... Но ничего и сейчас не поздно. Сейчас наше время, хорошее время... Давай еще по одной...

Никитин брал вилкой котлеты из миски, аккуратно отрезал ножом кусочек, неспешно отправлял в рот и говорил. То, что говорил он, было мне интересно. Я слушал, поддакивал, вставлял словечко. Мне было жаль, что я раньше не встретил Никитина, жаль, что бестолку потерял годы на заводе. Никитин видел, что мне интересно и продолжал говорить:

– На заводе ты с железками работал. На людей, должно, и внимания не обращал. Не к чему! А у нас работа с людьми, знать их ты обязан. Человек – это не холодная железка, это мудреная штука, хитрая тварь! Каждый свою роль играет. Ну, это ладно, хрен с ним, пусть играет, главное что, каждый скрыть старается, какую он роль играет, сбить столку. К примеру, наши правители, видал, как нам баки забивали, борцами с привилегиями выступали, за народ, за Россию!.. Плевали они на Россию, взяли власть и такие себе привилегии напридумывали, что коммунякам не снилось. Сбили с толку народ. А если б они прямо заявили: власти хотим, чтоб нам и нашим деткам жилось хорошо за счет народа, кто б тогда за них голосовал? Не-е... Да-а, жизнь игра!.. Взять Пашу, дружка твоего. Играет простачка такого открытого, бери меня голыми руками. Простачок с мордашкой положительного героя. А сам хитрющий. Кулак! Видал, как быстро приладился к обстановке: машина, дача, большим миллионером, наверно, втихаря стал. Плевать ему на все кроме собственного кармана. Хомячок, все за скулу прячет, про запас. Его бы я никогда не взял к себе, с ним ухо остро держи... А ты свой, с тобой я спокоен, за спину не беспокоюсь – прикроешь!

Эти слова я слушал с благодарностью. Мне приятно было слышать, что я свой, и думал, что действительно, Паша хоть и простачок на вид, а хитрющий, все под себя гребет. Как же я сам на это не обратил внимания? Кулачок – одиноличник!

– Слышал, должно, легенда есть, что душа человеческая не умирает, а в какого-нибудь зверя переселяется и наоборот, – говорил Никитин. – Если это так, то мы с тобой волки, санитары леса. – Никитин обвел рукой вокруг себя. Я понял, что под лесом он разумеет всю нашу жизнь. – Волк благородное животное, сильное, смелое, решительное. Никого не боится. Лучше быть волком, чем зайцем или крысой. Наш полковник Лосев типичная крыса. Крыса из самых поганных... – сказал Никитин с огорчением. Я удивился, полковник Лосев скорее походил на лису, чем на крысу, но уточнять не стал, лишь кивнул, соглашаясь. Никитин знал

его лучше. – Волк волка не тронет при любой голодухе, а крыса с удовольствием сожрет крысу... Поганое животное!

Бутылку мы допили потихоньку, и Никитин проводил меня до порога. Я был доволен разговором, доволен, что Никитин принял меня за своего, и благодарен был ему за хорошие слова обо мне. Жена его не показывалась, и я вообще забыл о ней, будто ее и не было. По дороге домой вспоминал разговор, думал с гордостью: да, мы волки, санитары, должны решительно очищать нашу жизнь от нечисти. Мне хотелось походить на Никитина, быть таким же подтянутым, молодцеватым, не сомневающимся ни в чем, быть уверенным, что все, что ни делаю я – хорошо!

Домой пришел в хорошем настроении, чувствуя себя сильным, уверенным, чмокнул Раю в щеку, подхватил на руки. Она у меня маленькая, легкая, пушинка. Раньше и до свадьбы и после я любил носить ее на руках. Когда квартиру купили, на руках занес по ступеням на наш седьмой этаж. Но давненько что-то я ее на руки не подхватывал. Вдохновения не было.

– Выпил? – спросила Рая, глядя на меня сверху. Видно было, что она довольна, что я снова взял ее на руки.

– У Никитина был.

– Чей-та?

– Мы мужика на машине сбили...

– Какого мужика?

Снова вспыхнуло в памяти, как мужчина переломился от удара и отлетел под дерево. Я о нем совсем забыл! Жив ли он? Чему же я радуюсь?

Я медленно спустил Раю на пол.

– Чепуха! – отмахнулся я от сбитого мужика. Я-то причем. Ни в чем мы не виноваты, глядеть надо куда идешь. – Спьяну чужак один под машину сунулся. Стукнули маленько, а потом Никитин к себе позвал. Посидели немного, поговорили... Он хороший мужик, – начал я раздеваться, снимать куртку. – Даже не ожидал. Хорошо посидели.

– А жена у него кто?

– Знаешь, – вспомнил я наконец про его жену. – Странная она у него какая-то. Ни слова не произнесла. Собрала на стол, – шмыг в комнату и тишина! Будто ее и нет. Может, больная какая...

– Надо гвоздик прибить, вот сюда, – указала Рая на стену возле шкафа, – для дубинки твоей, видишь? – взяла она резиновую дубинку, которую я поставил в уголок, и прислонила к стене. – Хорошо, тут ее место.

– Правильно, – согласился я и снова подхватил жену на руки и понес на кухню. – Ох, скоро мы заживем, заживем, – уверенно говорил я, любясь, как прежде, смуглым лицом Раи, каким-то татарско-азиатским, может быть, из-за разреза глаз и широких скул.

5

Ехали на двух машинах. Молчали. Все уже обговорено, каждый знал, что делает. В такой операции я участвовал в первый раз. Возле дома одна машина отстала, а наша подъехала к подъезду под самый козырек, чтобы из окон не было видно нас. Мы быстро вышли из машины и сразу – в подъезд. Слышно было, как подкатила другая машина, и нас догнали еще два омовца. Возле лифта осталось четверо, а мы с Никитиным побежали вверх по лестнице. Трехкомнатная квартира была на пятом этаже. Никитин бежал мягко. Только хрустывание песка слышалось под его ногами на давно немытой лестнице. Я тоже старался не топать, пружинить. Дом был шестнадцатиэтажный. Планировка и дома, и квартиры были нами изучены хорошо. Они были такими же как и в моем доме, только у меня была двухкомнатная квартира. Вход на этаж с лестницы вел через балкон на лифтовую площадку, а оттуда в коридор к две-

рям в квартиры. На балконе нам встретился невзрачный на вид паренек. Он быстро глянул на меня, на Никитина и вдруг пробурчал негромко: – Пять и две! – и пошел дальше. Казалось, Никитин даже не взглянул на него, проскользнул в дверь к лифту. Там остановился. Слышно было, как шумел, поднимался лифт. Подъехали оставшиеся внизу омовцы. Никитин первым осторожно шагнул в коридор, который был длинным и узким, с двумя бетонными выступами. За них можно было спрятаться во время стрельбы. Двери двух квартир с торцов напротив друг друга. Остальные восемь располагались вдоль коридора не напротив, а вразбежку. Это хорошо, начнется стрельба, соседи не пострадают.

Мы подошли к двери, остановились поодаль, прислушались. Обычная дверь, оббитая коричневым дерматином, с глазком. Шляпки гвоздей, когда-то блестящие, потускнели. Из соседней торцевой квартиры доносилась музыка, радио включено. А за нужной дверью слышен был отдаленный говор, спокойный. Женский смех раздался и писк: – Ай! – Потом возглас отдаленный: – Да не ту ставь! Надоел твой Джексон! Давай лучше наших! – Послышалась музыка. Запела Валерия.

На кухне сидят, подумал я, представляя план квартиры. Справа от входной двери была большая комната, почти напротив входа – поменьше, потом кухня, а за нею самая дальняя и самая маленькая. Никитин глянул на Николая Сучкова, рослого рыжего омовца, и кивнул. По инструкции мы должны были позвонить, представиться и потребовать открыть дверь. Звонить должен был Сучков. Если не откроют, мы должны были выбить дверь, ворваться в квартиру и задержать преступников, членов бирюлевской группировки. Среди них двое особо опасны. Оба в розыске за неоднократные убийства. Хорошо вооружены, дерзки, стреляют, не задумываясь. Готовы на все. Кто еще с ними неизвестно. Ясно было, что дверь не откроют, начнут стрелять. Сучков вытащил пистолет и вместо того, чтобы подойти к звонку, шагнул к противоположной стене и встал рядом с Никитиным, который тоже держал в руке пистолет. Их теперь должно очень хорошо видно в глазок из квартиры и легко можно расстрелять. Дверь простая, не бронированная. Я тихонько сдвинул предохранитель своего пистолета и плотнее прижался спиной, бронежилетом, к стене. Никитин с Сучковым напряглись, сжались, и вдруг одновременно взлетели в воздух и одновременно врезали ногами в дверь. Раздался страшный грохот, дверь вместе с коробкой рухнула в коридор. Никитин отскочил от пола и прыгнул в квартиру, откуда клубом выбило пыль. Сучков за ним, я следом, в пыль.

– Сидеть! – рявкнул Никитин. Треснули один за другим два выстрела.

Я налетел в тесном коридоре на Сучкова, отскочил к шкафу, кто-то меня сзади толкнул. Я видел сквозь пыль, как в кухне Никитин бьет парня, вскочившего с табуретки, рукояткой пистолета по голове, видел, как Сучков стреляет в кого-то из коридора и бросается к Никитину на помощь, заслоняет на мгновение от меня то, что происходит в кухне. Я снова кинулся следом, готовый в любую секунду стрелять. В кухне визжала женщина, и казалось, что там кишмя кишат люди. Я охватил всю кухню взглядом: увидел, как Никитин вывернул назад к лопаткам руку сидевшего за столом парня, схватил его другой рукой за длинные волосы и ударил лицом о стол, о тарелку с колбасой. Тарелка разлетелась вдребезги, на осколки брызнула кровь. Никитин отшвырнул за волосы парня к стене, и тот вместе с табуреткой полетел на пол прямо на своего приятеля, неподвижно лежащего у холодильника; увидел, как Сучков пытается вывернуть руку у крепкого парня, пытается сломать его на плиту, но парень силен, сопротивляется; увидел, как, забившись в угол у окна, рядом с полусорванной шторой, округлив глаза от безумного страха, визжит девчонка, другая скрючилась на полу у стола рядом с лежащей на боку табуреткой и сжимает свою голову руками; увидел, как на Никитина с вилкой, как с ножом, в руке бросился смуглый худощавый парень с тонкими усами, но споткнулся о сидевшую на полу девчонку, опустил на мгновение руку с вилкой, и Никитин резко ткнул ему в переносицу пистолетом и ударил ногой в пах; увидел, как на Сучкова кинулся пятый парень, я увидел его сзади, увидел его лысоватый затылок, и резко ударил в шею, но почувствовал, что

удар в суе не получился парень ловко развернулся ко мне и умело выбросил руку навстречу. Я еле увернулся, присел и, выпрямляясь, сильно и резко ткнул стволом пистолета в живот, ударил носком ботинка по голени, схватил рукой за волосы, намереваясь вмазать его лицом о свое колено, но волосенки его выскользнули из руки, и он успел ткнуть меня ножом в живот, в бронежилет.

– Стреляй! – услышал я крик Никитина, понял, что это мне, и врезал парню по руке с ножом, выбил и тут же вмазал по горлу. Парень откинулся назад, обмяк. Я легко вывернул ему руку за спину и достал наручники.

Все было кончено мгновенно. Окровавленные парни в наручниках рассажены вокруг стола.

– Ух ты, Сорока! Как ты здесь оказалась? – только теперь Никитин обратил внимание на девчат. Та, что сидела на полу, оказалась молоденькой с симпатичной маленькой мордашкой. Она не так уж сильно была напугана, перебралась в угол к окну к своей визжавшей ранее подружке, которая с прежним страхом в глазах всхлипывала. Никитин обратился к ней. Девчонка перестала всхлипывать, взгляд у нее стал осмысленным. Она взглянула на Никитина и вдруг икнула.

– Сопли утри!.. Опять с друзьями отдыхала? И сколько же у тебя таких друзей? А?.. Ишь какой лысенький помидорчик, – потрепал Никитин по лысому затылку того, которого я скрутил. Лысый крутанул головой, вывернулся из руки Никитина и зло, с ненавистью поверженного, выдавил из себя:

– Отстань, мент поганый!

– Ну да, я мент поганый, даже книжечка такая есть, сам видел, дорогушая, – ехидно ответил Никитин. – Я поганый, а ты холе-есенький мальчик, ну прямо рождественский ангелочек... – И вдруг глянул на меня и сказал совсем другим тоном. – Зря ты его не шлепнул! Это бандюга из бандюг. Трех собственноручно угробил. Это только, что нам известно. А суд у нас гуманный, выйдет из тюрьги скоро мальчик холе-есенький и еще не один раз кровь пустит!

– Я те запомнил, мент! Считаю себя в могиле.

– Вишь, как? – опять обратился ко мне Никитин. – Ох, как он дурно на шваль свою влияет. Ох, как дурно!.. А ну, встать! – гаркнул на лысого.

Тот не шевельнулся.

Никитин ухватил его за руку, попытался поднять. Лысый не поддался.

– Помоги-ка, оттащим его в комнату, а то он дурно на лакеев своих влияет. А ну пошли!

Мы подхватили под руки сопротивляющегося лысого и поволокли в дальнюю маленькую комнату. Там швырнули на пол, и Никитин зачем-то расстегнул наручники на его руке, достал пистолет и легонько постучал стволом по лысому затылку:

– Поднимайся, поднимайся, теленочек! – Лысый стал медленно подниматься, опираясь руками о паркетный пол. – По ком это могила плачет, а? – ласково спрашивал Никитин, отступая от лысого и поднимая пистолет. – По ком она, родная, убивается? Кто же это сейчас умрет? И никто не узнает где могила его?

Когда лысый выпрямился, позвякивая наручниками, висевшими на одной руке, Никитин заорал:

– Смотри, он снял наручники! – И тут же дважды выстрелил в голову лысого.

В двери комнаты мгновенно появился Сучков с пистолетом в руке.

– Вот шустрый, гад! Как он их расстегнул? – говорил Никитин, наклоняясь над упавшим на бок лысым. Ну, ловок! – Он снял наручники и с другой руки лысого и пошел на кухню, подмигнув мне. Там сказал с восхищением переставшей всхлипывать девушке: – Ну, бля, у тебе, Сорока, и дружки! На ходу подметки рвут... Как он их расстегнул, не пойму! – Никитин кинул наручники на стол и глянул на нас. – Ну что, операция завершена! Пора докладывать...

6

– Славно поработали, можно отдохнуть... – сказал мне Никитин вечером. – Заглянем в кабачок?

– Рад бы, да у меня в кармане только вошь на аркане, – засмеялся я.

– Угощаю. Мне должок сегодня вернуть обещали.

Мы чувствовали себя удовлетворенными, возбужденными, и не хотелось возвращаться домой, в уют. У ребят из бирюлевской группировки мы изъяли два автомата, несколько гранат, пистолеты, наркотики. Улов хороший. Но главаря не взяли. Не было среди них. Да и кроме этих пятерых только в бирюлевской группировке было не менее ста человек, а сколько таких банд-групп по Москве. Бирюлевская небольшая, не давно сформировавшаяся. Не успела глубоко пустить корни. Есть покрупней, покрепче, поизворотливей, на которые работают не только банки, финансовые компании, но и газеты, телевидение, даже члены правительства. Их расколоть сложнее.

Юркая наша «девятка» тормознула у Рижского рынка, и Никитин кинул мне: «Айн момент!» – и вальяжно, уверенно зашагал, скрылся за ларьками.

Вернулся скоро.

– Усе в порядке... А ты боялся! Погнали, а то девочки заждались...

– Какие девочки? – не понял я.

– Хорошие. Мы плохих не держим...

В небольшом ресторанчике на Садовом кольце неожиданно встретились нам те самые две девахи, которые были с бирюлевскими бандитами. Мы их отпустили из милиции часа два назад. Они вдвоем сидели за столом накрытом на четверых. Никитин направился прямо к ним, подошел, заговорил восхищенно:

– Сорока, прелесть моя, как ты похорошела за этот час!.. Знакомьтесь, это мой друг Серега, – указал он на меня. Я ничего не понимал, улыбался недоуменно. – Садись, садись, ты не дома, – говорил Никитин мне, усаживаясь за стол. – Это перед женой ты будешь стоять так, когда сегодня в полночь заявишься... Ничего, объяснишь, работа такая, поймет... А не поймет, по ушам, – подмигнул он девочкам и познакомил, указал вначале на ту, что называл Сорокой: – Лора и Лара! – Девочки улыбались, а Никитин балагурил, по-хозяйски разливал по бокалам шампанское.

Я ничего не понимал. «Неужели они нас ждали? Зачем?» В милиции я считал, что Никитин знает этих девах потому, что неоднократно задерживал, как проститутку. Они не скрывали свое занятие. Внешне они не походили на развратных девах. Были молоды, не вульгарны, не было того налета пошлости на лицах, игривых взглядов, что, по моему мнению, отличало проститутку от нормальных девчат. Я думал, что пошлый налет стер с их лиц испуг, но и здесь в ресторане, где они были как бы на своем рабочем месте, я их не принял бы за проститутку. Обычные девчонки. Лора-Сорока, краснощекая, с маленьким носиком, пухленькая, кругленькая, чувствовалось, что еще года два-три и она станет толстенькой, если, конечно, следить за собой не будет. Лара худощавей, повыше ростом. Мордашка у нее помилей. Она понравилась мне больше, может, потому, что я не люблю мягких, пухлых, они меня не возбуждают. Впрочем, я вначале считал, что Никитина они как девочки не интересуют, у него с ними какие-то свои дела, но он быстро все поставил на свои места.

– Ну что, девочки, отдохнем от трудов несправедных, развеемся. Квартирка свободна?

– Дождается, – ответила Сорока.

– Отлично! Давайте встряхнемся. За вас, мои милые, – потянул он к ним свои бокал. – Лара снимит стресс с Сереги. Он в первый раз был в деле. Разволновался.

– Новичок? Я бы не подумала, и не страшно было? – спросила Сорока.

Я усмехнулся, пожал плечами.

– Это он у нас новичок. Да в постельном деле дилетант. Надеюсь, Лара его обучит... А крови он давно уже нанюхался, – засмеялся Никитин. Он увидел официанта, проходившего мимо, и позвал: – Васек, собери-ка нам на четверых с собой!

Васек глянул на меня и кивнул.

– И не потанцуем? – спросила Сорока. – Там натанцуемся.

В квартире мы выпили хорошо. Девчата не отставали от нас. Я молчал, не знал, что говорить в таких случаях, не знал, не представлял, как мы перейдем к делу. Лара сидела напротив, от выпитого вина она покраснелась. Каштановые кудряшки ее упали на лоб, щеки. Она изредка отбрасывала их назад, улыбалась мне и молчала. Я мечтал, представлял, как буду целовать ее милую мордашку. Никитин все говорил, говорил. Сорока смеялась, играл магнитофон. Я не слышал ни Никитина, ни музыку, видел только Лару, нестерпимо хотелось прикоснуться к ней.

Никитин отчего-то захохотал, выхватил Сороку из-за стола, и они начали, дурачась, танцевать, потом Никитин сгреб ее в охапку и понес из комнаты. Мы проводили их взглядами, и я тут же потянулся через стол к руке Лары. Она взяла меня за руку и повлекла к себе на диван. Я, не выпуская ее руки, встал, обошел вокруг стола и опустился рядом.

То, что было потом, я вспоминал всегда со стыдным блаженством. Это было ни капельки не сравнимо с тем, что я испытывал с женой. Я не подозревал, что такое может быть, что такое блаженство существует на земле. Порой я забывал обо всем, я превращался в само наслаждение. И казалось, что блаженство это длится вечность. Я даже не знаю с чем можно сравнить то, что я испытывал. С женой у меня все было просто и элементарно. Когда я смотрел порнуху, я думал, что играют актеры, ахают, охают, а сами не чувствуют ничего, только для того, чтобы возбудить зрителей. Лара проделывала со мной то же самое, и я чувствовал себя сумасшедшим, готов был не только охать, но и визжать, кусать ее. Это было безумие! Мне захотелось заплакать, когда все кончилось. Она понимала мое состояние и была довольна, удовлетворена, а я мечтал отдать за нее жизнь. Так я ее любил! Мне казалось, что все, что было до нее, такой пустяк, ничего не значащий пустяк, что я готов был быть ее рабом, слугой, башмаком, тем, чем она пожелает, лишь бы быть рядом, лишь бы, хоть изредка, испытывать то, что я испытал. Господи, неужели это было со мной?..

По дороге домой я дремал рядом с Никитиным.

– Ну, как? – спросил он, когда мы отъехали.

– Я твой раб, – только и ответил я.

– Не преувеличивай, – засмеялся он. – Они хорошие телки. Знают свою работу.

– Не опошляй, – буркнул я, улыбаясь. – Если это работа, то что же тогда блаженство?

– У них блаженная работа, – хохотнул Никитин.

Пришел я домой в третьем часу ночи. Я старался держаться твердо на ногах, чтобы Рая не заметила, что я пьян. Но разве скроешь? Она сразу поняла, спросила:

– Что с тобой? Откуда ты?

– С работы, – буркнул я. – Привыкай. Я же тебе сказал, как расшифровывается слово ОМОН – отряд милиции особого назначения. Поняла? Мы сегодня брали бандитов...

– И пили с ними, – перебила Рая.

– Не с ними... Между прочим, один из них меня шарахнул ножом в живот. Если бы не бронезилет, я бы с тобой не разговаривал. А ты бурчишь – выпил! После этого разве не выпьешь.

– Ладно. Ложись спать, завтра разберемся, – недовольно буркнула Рая и ушла в спальню.

Я довольный, что скандал заглох, потихоньку разделся, ополоснулся под душем и влез под одеяло к жене. Я чувствовал, что она не спит, молчит. «Ну и ладно, ну и хорошо!» – подумал я, засыпая.

7

Позвонил Паша. Голос у него был беспокойный, взволнованный. Звонил он в первый раз после того, как я сказал ему при встрече, что устроился на работу в ОМОН к Никитину. Он отнесся к этому без энтузиазма.

– Если другого выхода не было, то что ж... Тебе жить.

И вот теперь звонок, взволнованный голос:

– Надо встретиться, совет нужен...

– А что случилось?

– Не по телефону.

В первый раз договорились встретиться не дома, не в конторе его, а на улице. Паша был растерян, хмур, начал с того, что беспокоило.

– Пришли рэкетеры, – сказал он, беспомощно разведя руками. Лицо у него было такое, как будто он хотел заплакать. – Я их ждал, я их все время ждал... С первого дня... Три года не было. Думал, я для них не интересен. Мелкая рыбка... Но вот появились. Пришел... Я их другими представлял, а этот... костюмчик, галстучек, ботиночки. Я думал, клиент. А он говорит вежливо: пора платить! Дело встало на ноги, прибыль пошла... десять процентов нам. А где я их возьму? – вскричал Паша. – У меня чистая прибыль десять процентов! Отдать им – все, закрывай дело. Никакого развития... Они мне рассказали, где и во сколько гуляет моя жена с Татой, – чуть не всхлипнул он.

– погоди, успокойся, – перебил я. – Что они сказали? Когда придут? Что ты должен делать?

– Дали три дня. Послезавтра в два часа я должен дать ответ.

– Придут или позвонят?

– Придут.

– Хорошо, успокойся, что-нибудь придумаем. Вечером позвоню!

Я рассказал Никитину о нашем разговоре: надо как-то помочь Паше, это наша прямая обязанность. Я предложил сделать засаду в конторе у Паши и взять рэкетиров с поличным, взять официально.

– Значит, созрел Паша, – засмеялся Никитин. – Я говорил, хитрющий страсть! Мы перед ним простаки.

– Смешного мало, – сказал я, не понимая такой реакции Никитина.

– погоди, не суетись. Не надо пока ничего официального. Сами встретим.

Через день полвторого мы были в конторе Паши. Договорились, что он будет держать в кабинете своего зама до прихода рэкетира. Когда появится гость, Паша отпустит зама. И как только он выйдет из кабинета, туда направимся мы с Никитиным. Зам Паши не был посвящен в наши планы.

В приоткрытую дверь кабинета главного инженера, где мы сделали засаду, был виден вход в приемную Паши. Главного Паша отправил в цех. Мы видели, как вошел в приемную зам, как ровно в два часа мелькнул в двери серый костюм молодого паренька с аккуратно причесанным комсомольским затылком, и тотчас же из приемной вышел зам.

– Пора, – шепнул я.

Мы быстро вошли в приемную, и ни слова не говоря секретарше, сказавшей нам строго, что Павел Григорьевич занят, направились в кабинет. Когда мы увидели рэкетира, как две капли похожего на комсомольского работника советских времен: чистенький, аккуратненький, причесанный, улыбающийся, в общем, свой парень, я сразу почувствовал замешательство во взгляде Никитина.

– Боря, каким ветром? – радостно поднялся парень навстречу Никитину.

- Таким же, что и тебя, – ответил Никитин, кисло улыбаясь.
- Не понял... Не может быть... – растерялся парень. – Странно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.